

УДК 94 (47).02:930.1(09)"18/19"

*Е.Н. Дербин***ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ РУССКОГО ПРАВА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. (II)¹**

В продолжение статьи I нами рассматривается проблема верховной власти Древней Руси в трудах историков русского права Московского университета к. XIX – нач. XX в. Анализируются такие институты верховной власти как княжеская власть, вече, княжеская дума, и широкий круг связанных с ними историографических вопросов: происхождение и эволюция данных субъектов власти; их природа и характер; состав, источники, ресурсы, функции и объем власти; приобретение, преемственность и способы ее осуществления; междукняжеские отношения и др. Прослеживается вклад в изучение этих проблем профессорско-преподавательского состава и научно-образовательного процесса в Московском университете до 1917 года. Отмечается отсутствие преемственности в подходах и взглядах историков-юристов университета, изучавших историю государства и права домонгольской Руси. Определяется вклад каждого из них в исследуемую проблему.

Ключевые слова: верховная власть Древней Руси, княжеская власть, вече, княжеская дума, историки русского права Московского университета, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Д. Я. Самоквасов.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) появился на кафедре истории русского права Московского университета в качестве приват-доцента в 1894 г, когда практически не было местных кадров. Вскоре он был назначен сверхштатным экстраординарным (1894), а затем – ординарным профессором (1895). Это был уже сложившийся учёный, воспитанник университета в Петербурге и бывший профессор Варшавского университета (1873–1891), а также управляющий Московским архивом министерства юстиции (1892–1911). Жизнь и творчество его хорошо известны, а за последнее время внимание исследователей к нему еще более увеличилось [1-3; 16- 19]. Однако его оригинальная концепция верховной власти в Древней Руси, как отдельная проблема целиком ещё не анализировалась. Исследователи акцентируют внимание в основном на её зарождении в первых трудах учёного, в то время как окончательную формулировку она получает лишь в стенах Московского университета, в ходе преподавания им курса истории русского права.

В течение восьми лет Д. Я. Самоквасов делил чтение основного курса по кафедре с П. Н. Мрочек-Дроздовским до ухода последнего в отставку (1902 г.). С учётом изложенного в первой половине статьи материала о П. Н. Мрочек-Дроздовском, любопытно сравнить его с Д. Я. Самоквасовым. С одной стороны, они являются полной противоположностью друг другу; с другой – их объединяет общая направленность научной разработки истории русского права. Оба исследователя уделяли огромное внимание источниковедческой работе, а с точки зрения теории, их взгляды характеризовались эклектизмом: между учениями славянофилов и западников, между исторической и государственной школами права. Оба широко применяли сравнительно-исторический метод, и концепции обоих историков сложились почти одновременно в 1870-е гг.

Однако если построения П. Н. Мрочек-Дроздовского в дальнейшем не получили широкого развития, то Д. Я. Самоквасов постоянно совершенствовался, исправляя и дополняя некоторые свои положения, испытывая влияние новой социологической школы права. Различались исследователи и характером своих работ, и интересовавшими их проблемами, и разрабатываемыми источниками.

Так, если Д. Я. Самоквасов занимался в основном древнейшей эпохой (до X в.), то П. Н. Мрочек-Дроздовский – периодом от XI до XVI в. Соответственно первый строил исследования на археологическом материале, а второй – на письменных источниках. Д. Я. Самоквасов изучал в основном историю права, правовых отношений (недаром он был доктором гражданского права), тогда как П. Н. Мрочек-Дроздовский – историю государства и государственных отношений. Первый уделял большое внимание историографии (правда, в основном полемически, но без учёта новейших работ), а другой – нет. На личностном уровне они тоже сильно отличались: Д. Я. Самоквасов тяготел не только к научно-педагогической, но и к административной работе, где достиг больших успехов, тогда как

¹ Начало см.: *Дербин Е. Н.* Верховная власть Древней Руси в трудах историков русского права Московского университета конца XIX – начала XX в. (I) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2014. Вып. 1. С. 15-22.

П. Н. Мрочек-Дроздовского это, похоже, совсем не привлекало. Не случайно Д. Я. Самоквасов стал заслуженным ординарным профессором Московского университета раньше (1900), чем П. Н. Мрочек-Дроздовский (1902).

Проведённое сопоставление важно для углубления и расширения нашего понимания исследования проблем верховной власти Древней Руси в трудах историков русского права Московского университета того времени, а также в целом – в существовавших тогда подходах в отечественной историографии, на формирование и своеобразие которых влияло множество факторов. К тому же на фоне различий двух исследователей более заметны особенности их творчества и конечных выводов. В частности, вполне понятно, почему в лекциях П. Н. Мрочек-Дроздовского видна лишь вершина айсберга его работы с историко-правовыми источниками, а Д. Я. Самоквасов демонстрирует всю ее изнанку: у первого есть их специальные исследования, а у второго – почти нет. В свою очередь, П. Н. Мрочек-Дроздовский в своих лекциях демонстрирует в основном разбор летописных свидетельств и княжеской истории, тогда как Д. Я. Самоквасов обильно привлекает свидетельства разнообразного материала (археологического, лингвистического, этнографического, нумизматического и др.) и стремится раскрыть историю не только учреждений публичного права, но и институтов – гражданского, религиозного, и даже экономического. Поэтому его многочисленные курсы лекций больше похожи на отдельные монографические исследования, что было распространено в то время. В свою очередь это не придавало им популярности ввиду трудности освоения в учебном процессе, а также неравномерности разработки основных историко-правовых вопросов и периодов. При этом, каждое новое издание «Истории русского права» Д. Я. Самоквасова (с различными вариациями в названии) исправлялось и дополнялось им, делались ссылки на предыдущие издания [5; 7; 9-15]. Поэтому при изучении взглядов историка неправомерно пользоваться только одним, притом ранним, выпуском его лекций (как это делают некоторые исследователи). Более выверенным, объёмным и окончательным является третье издание «Курса истории русского права» (М., 1908–1909. Ч. 1-2), к которому Д. Я. Самоквасов тогда же издал «Дополнения» [7; 14].

Главной целью ученого было пересмотреть источники и средства познания «политико-юридической жизни русских славян языческой эпохи», так как начальные периоды истории русского права помогают пониманию последующих. Это, по его мнению, могло дать положительное фактическое знание и вывести из тупика многочисленных теорий и догадок. В стремлении юридически точно установить все в прошлом историк проявил себя как яркий позитивист. Обнаруживая тонкий анализ правовой терминологии и разнообразных источников права, он порой слишком вольно с ними обращался, особенно с позднейшими свидетельствами – для доказательств более ранних процессов. Однако огромный пласт источников древнейшего периода оставался не разработанным, «благодаря признанию языческого периода истории русского народа “доисторическим”, “донациональным” и “догосударственным”, лежащим вне пределов фактического знания». Для Д. Я. Самоквасова историческая наука – это «не повествование о достопамятных событиях» в истории государства, а познание истории народной жизни, народного самосознания (здесь он цитирует одного из своих учителей – К. Н. Бестужева-Рюмина). Поэтому Д. Я. Самоквасов считал, что историю русского права надо начинать с момента «образования национальных особенностей, каковым у всех народов является время географического и политического отделения от своего этнографического корня». Таким моментом для восточных славян он признавал время начала колонизации ими центральной Европы из придунайских областей. И уже в эту эпоху историк находит государственный строй, так как «государство зарождается в простейших формах социальной организации первобытных людей сидячего состояния, живших в условиях каменной культуры, развивается в формах социального быта народов низших степеней культуры кочевнического и оседлого состояния и восходит к социальным формам цивилизованных народов, представляя градацию автократических, государственных союзов, между которыми нет резких естественных границ, обусловленных сменой социальных начал, как нет их между состояниями младенчества, детства, юношества, возмужалости и старости физического организма. В частности, учения об автократических догосударственных родах и общинах, основанных на родовом и общинном началах, не имеют фактических оправданий в исторических материалах, относящихся к истории быта русских славян дорюриковской эпохи. Роды и общины, несомненно, были у русских славян в дорюриковскую, даже в праславянскую эпоху, но не в форме автократических союзов, построенных на единичных социальных началах, а в значении гражданских институтов, основанных на многих началах, и входивших в состав племенного государства» [7. С. 35, 44; 9. С. IV-XIV; 14. С. I, XXI-XXIX, 169]. Поэтому «эпоха племенных государств», по

Д. Я. Самоквасову, составляет первый период истории русского права, определяемый в соответствии с периодизацией «политической истории русского народа», то есть периодизацией форм государства и верховной власти. Однако данное периодическое деление, в котором за эпохой племенных государств следуют эпохи удельных государств, Московского царства и Российской империи, для историка достаточно условны и определяются задачами преподавания данной науки [9. С. 3-6; 14. С. X-XI]. Куда более важным, с его точки зрения, является разделение собственно древней истории русского права на языческую и христианскую эпохи. В своих работах Д. Я. Самоквасов одновременно использовал обе периодизации, порой смешивая их и считая, что без государства не может быть права, как и права без государства.

Происхождение и эволюция верховной власти в Древней Руси связывалась им, прежде всего, со ступенями развития общечеловеческой цивилизации, которые он выделял на основе сравнительной социологии и этнологии. Ученый устанавливал три степени «культурного и гражданского состояния»: сидячие, номадные и оседлые народы. В основании классификации «первое место занимают средства питания» (экономический фактор), которые определяют «типичные особенности в образе жизни, хозяйственной обстановке, политической организации и юридических институтах». Соответственно, скотоводство, земледелие и земледелие. Им соответствуют «градации социальных форм, которые по родовым признакам можно свести в типичные группы условных названий». К сидячим формам исследователь относил стадное общество, коммуну и семейство. К номадным формам – род, союз родов и союз родовых союзов. Оседлые формы: город или городская община, союз городов или городская волость, и союз городских союзов или племенное княжение. Эти «девять социальных форм можно назвать», – отмечал Д. Я. Самоквасов, – «формами естественного саморазвития человеческого общежития, в отличие от социальных форм искусственного происхождения, возникающих при посредстве завоевания одним народом других народов». К ним относятся «кочевая или оседлая деспотии, преобразующиеся в теократию, отождествляющую право с религией, из которой возникли позднейшие формы общежития цивилизованных древних и новых народов, монархические и республиканские». Исходя из простейшего определения государства «в значении общества, живущего на своей земле и управляемого своею верховною властью», Д. Я. Самоквасов констатирует, что оно зарождается в первичных формах общества под влиянием одновременного и совместного действия множества факторов: «семейного, имущественного, территориального, договорного, военного, религиозного, политического». Под влиянием же климатических, географических и культурных условий жизни народов возникает различие институтов публичного и частного права. Отсюда, признавая изначальное наличие государства в среде восточных славян и отрицая традиционную схему, господствующую в историографии, о сменяющих друг друга социальных формах: семья, род, община, государство, – историк снимает проблему образования государства и задаётся вопросом о происхождении и развитии отмеченных выше социально-политических форм [9. С. XI-XII; 14. С. XX]. Так как славян он относил к оседлым, земледельческим народам [14. С. 84-96], то следующий шаг в исследовании верховной власти – установление процесса колонизации и образования городов. Ещё в магистерской диссертации Д. Я. Самоквасов утверждал, что от того или иного решения этого вопроса зависят воззрения на государственный и общественный быт Древней Руси [6. С. 14]. Но если в 1870-е гг. он только сформулировал основные положения своей концепции, не дав развёрнутого ответа, то в 1890-е гг., оторвавшись от археологической работы, ему удалось наполнить эту проблему всесторонним содержанием.

Итак, в результате колонизации славянами речных бассейнов Восточной Европы образуются города для постоянного поселения как укрепление от внешних врагов. При этом Д. Я. Самоквасов настойчиво утверждал отсутствие сельской местности «до времени завоевательного объединения русских и финских племён под властью Рюрика рода» и христианской эпохи [6. С. 145, 152, 154; 9. С. 66, 71; 14. С. 66, 71, 118-119]. «Каждый городок с прилегающим к нему участком земли составляет территорию автократической общины, управляемой общинным собранием и городским начальником, над которыми нет высшей власти. Сколько городов в области, занимаемой данным племенем, столько и отдельных государств, стоящих друг к другу в полной политической независимости». Это первая государственная ступень «оседлого состояния» общества [14. С. 71]. Причём уже в ней, как и в любом естественном государстве, утверждал историк, нет одной формы власти: коллективной либо единоличной. «Рядом с народными собраниями, всегда и везде существуют выборные или наследственные единоличные органы общественной власти в значении исполнителей решений народных собраний, военачальников, судей и жрецов в значении князей», даже если летописи об этом молчат [7. С. 49; 14. С. 79].

На второй ступени, «при размножении населения до той степени, когда городское укрепление становится недостаточным для вмещения в себя разросшегося общества, часть населения города отделяется, выселяется и образует новый город, новую общину, новое государство». Так создаются союзы городов или волости, «из которых каждая состоит из большого, центрального, главного города и меньших городов (город и пригороды). В каждом городе имеется свой городской начальник, а все начальники меньших городов (principes, князья, старшины) подчинены власти начальника всего племени, живущего в центральном городе (гех, царь, великий князь). ...Младшие города подчинены старшим». При этом вся земля есть собственность городской общины. В языческую эпоху, считал Д. Я. Самоквасов, у славян не существовало института частной поземельной собственности [14. С. 71-73, 192-196].

Постепенно племенные союзы городов или волости разрастаются и объединяются в племенные земли-княжения, которые и застаёт начальная летопись при описании известных событий сер. IX в. «Каждое княжение было независимо от других княжений в политическом отношении, и по своей воле становилось к соседям в мирные или военные отношения», «составляло особое государство, имело своё имя, свою территорию, свои органы государственной власти и свою систему права» [7. С. 51, 53; 14. С. XI, XXI, 117, 143].

Что же такое племенное государство, по Д. Я. Самоквасову, и какова структура его верховной власти, на которую значительно влияла языческая система права? Историк рисует очень сложную иерархически, но чётко определённую организацию государства, состоящего из трёх неразрывно связанных институтов: территории, населения и власти. Территория племени (поляне, древляне, дреговичи, северяне, радимичи, вятичи и др.) называлась «землею» и «делилась на “волости”, меньшие земли или области, называвшиеся именами главнейших областных городов, служивших политическими центрами волостей». В свою очередь, «волости племенных территорий представляли собою группы городов» с естественными границами. «В каждой племенной земле был свой центральный, главный город, в котором помещался племенной князь (царь по иноземным источникам). Главный город земли по отношению к младшим городам назывался «старейшим городом», а волостные города по отношению к старейшим назывались «пригородами». Государственная зависимость младших от старейшего города земли тесно связывала судьбу пригородов с судьбою старейшего города: завоевание старейшего города имело своим следствием завоевание всей племенной земли, всех её волостей». «В составе народонаселения племенных русских территорий различались четыре класса: жрецы-волхвы, князья, свободные люди и рабы». Жрецы, путём гаданий, могли оказывать существенное влияние на принятие любых решений в обществе, даже водворять порядок и обуздывать своевольных в народных собраниях. Князья, которых Д. Я. Самоквасов смешивает и ставит в один ряд с боярами, старейшинами, лучшими (нарочитыми) мужами, были выборными начальниками земель, волостей и городов. Свободные, городские люди не имели кастового и сословного различия, занимались преимущественно земледелием и участвовали в народных собраниях. «Класс рабов не был многочисленным в составе народонаселения племенных княжений». «Органом верховной государственной власти в племенном княжении было вече старейшего города, решения которого по всем делам были обязательны для всего народонаселения племенной территории». Оно нераздельно «соединяло в себе власть законодательную, правительственную и судебную», но «народ призывался на совещания только в определённые сроки и по важнейшим государственным делам». Князь же был исполнительным органом вечевых решений, «избираемый народом только для суда и предводительства», но органом власти, действовавшим постоянно. При этом, новоизбранному князю вече вручало судебную и военную власть, «как человеку, по общему народному признанию, достойному, честному и благородному», для личного исполнения своих обязанностей, а не посредством слуг. «Власть избранного князя опиралась на народном доверии. ...Если народ верил князю, то отдавался ему вполне, а если терял к нему доверие, то лишал и власти». В то же время, существовали местные органы исполнительной власти – князья волостей и князья городов, составлявших волости, избираемые местными вечами и автономные по делам своего внутреннего управления, суда и уплаты дани, но связанные с вечем и князем старейшего города земли общою обязанностью по делам законодательным и общественной самообороны («внешние войны имели свободный характер» и вообще «отношения между общинами определялись “правом войны”»). При этом, деятельность княжеской власти ограничивалась обычным правом языческой эпохи, а вне его князь должен был искать народного совета, избегать произвола «в видах сохранения народного доверия» [14. С. III, 45, 60-61, 66-70, 79, 116-130, 133-135, 143, 205, 333-334].

Здесь необходимо сказать, как Д. Я. Самоквасов представлял языческую систему права, которая существенно определяла положение верховной власти в обществе того времени. Понимание этого «требует знание терминологии, – писал он, – означавшей в эпоху русского язычества правила человеческого и божеского происхождения. Обязательная сила человеческого права древних народов коренилась во взаимной воле людей, составлявших общество, и в воле органов государственной власти; обязательная сила божеского права опиралась на волю племенных богов и обоготворённых предков. Право божеского происхождения почиталось важнее, священнее права человеческого происхождения». Это различие «правил общежития», сохранившееся в договорах киевских князей с византийскими императорами, отразилось в четырёх различных источниках права под терминами: *ряд*, *устав*, *закон* и *покон*. «Термины ряд и устав в языческую эпоху означали право человеческого происхождения, правила общежития, истекавшие из воли общества (ряд – договор) и воли органов государственной власти (устав)». «Слова закон и покон... означали право божеского происхождения, религиозные правила общежития, догмы народной веры, исходившие из воли племенных богов (закон) и обожаемых потомками предков (покон)». Со времени принятия христианства законом стали считаться христианские догмы. «Понятие о законе, как правилах общественной жизни, исходящих из воли органов государственной власти, сложилось только в Московском царстве», – заключает историк. Отсюда «законодательные постановления древних вечевых собраний имели характер договорных правил, принятых по взаимному соглашению членов общества, а потому называются в источниках “докончальными”, или договорными грамотами. Несомненно, о таких же вечевых решениях – законах договорного характера – говорит летопись в известии о вечах, существовавших с глубокой давности во всех городах – волостях Русской земли». Задача же издавать уставы в границах действовавшей системы права, унаследованной от предков, лежала на единоличных органах государственной власти, «называемых в источниках старейшинами, старшинами, князьями, царями и пр.». «Всякое правовое нововведение требовало согласия народной воли, выражавшейся в вечевом решении, или санкции национальных богов, получаемой посредством признанных народом способов гаданий и прорицаний. Не только уставы древних князей и царей, но и частная жизнь их должна была строго согласовываться с действовавшей системой национального права; а ее нарушитель, кто бы он ни был, почитался в древности недостойным своего отечества, лишенным покровительства национальных богов и повинным смерти». Напротив, «царям, опиравшимся в своем правлении подвластными народами на волю богов, люди повиновались безусловно; такие правители имели возможность толковать и изменять системы права подвластных народов по своему усмотрению; они почитались равными богам и их распоряжениям повиновались, как заповедям богов». «У народов безграмотных, не знающих искусства выражать письмом свои мысли и законы, право всех источников объединяется в одном источнике закона – покона, наследованного потомками от предков» [14. С. I-III, 74-83].

Таким образом, Д. Я. Самоквасов выстраивает градацию различных степеней княжеской и вечевой власти в племенных государствах-княжествах языческой эпохи, разделённых на отдельные автономные по внутренним делам государственные формы – князья и веча: 1) старейших городов племенных земель (земская власть над группой волостей), 2) городских союзов, именуемых волостями (волостная власть над группой городских общин), и 3) городов, из которых составлялись волости (общинная власть над группой лиц и семейств). В целом, эту систему власти городов-государств с последовательной подчинённостью центру по внешним делам можно назвать демократической, где «власть племенного князя стояла на втором плане по отношению к воле народа, – воле “земли”», считал историк. Однако он не показывает как вече обсуждало и решало важнейшие государственные дела, отмечая лишь, что власть русского народного собрания была подобна власти народного собрания древних германцев, а памятниками такой власти являлись веча Новгорода и Пскова в эпоху удельных государств и народоправств. Вечевая деятельность проходила, по мнению Д. Я. Самоквасова, в любом месте под открытым небом [14. С. 124-128, 137, 334].

Призвание варяжских князей новгородцами «в значении пограничных стражей», а не правителей и судей, как традиционно считалось в историографии, и последующее подчинение призвавших «силою завоевателя», по Д. Я. Самоквасову, знаменует собой следующий этап в развитии верховной власти: «племенные союзы городов соединяются в одно государство» и «племенные народоправства» превращаются в «завоевательную монархию». Благодаря преемникам Рюрика, прежде всего, завоеваниям Олега, «из многих племенных земель образовалась одна Русская земля и из многих племён образовался один Русский народ» (термин «Русь», считал Д. Я. Самоквасов, «имел политическое значе-

ние, а не этнографическое» и означал политический союз племён, всю территорию, подвластную киевскому князю). «В X в. верховная государственная власть племенных вечевых собраний и военная власть племенных князей сосредоточиваются в руках завоевателя, – киевского князя».

Однако означенная выше пирамида различных степеней княжеской и вечевой власти в племенных княжениях до введения христианства сохраняется, «но в значении местных органов администрации и суда, подданных киевского князя, платящих дань, установленную завоевателем», так как ещё сохраняется языческая система права. Власть князя-завоевателя при первых Рюриковичах имела, прежде всего, военные и законодательные функции.

Ситуация постепенно меняется, когда «рядом с земскими вечеми и князьями, появляются новые органы государственной власти по управлению и суду в сферах дел, лежавших вне компетенции земских вечевых собраний и князей, и в сферах лиц, не принадлежавших к земству, не платящих дани, и составлявших военную силу завоевателя». Это – княжеская дружина, «состоявшая в безусловном подчинении завоевателя», формировавшаяся из «слуг, вольных и невольных, набранных из разных племён, русских и не русских», преданных киевскому князю, как своему предводителю. В целях укрепления своей власти князь Рюриковичи распределяют дружину по всей государственной территории, для чего строят новые княжеские города, «как опорные пункты господства завоевателя над покорёнными племенами» и населённые пришлыми людьми разного происхождения. Отсюда на Руси X в. рядом с племенными, «земскими городами, населёнными земледельцами и платящими дань завоевателю, появляются княжеские города, населённые княжескою дружиною, – его войми».

Возникают параллельно две системы права в пределах языческой эпохи (княжеское и обычное) и два класса народонаселения: «господствующий – военный и подвластный – земледельческий». Под защиту военного класса земледельческое народонаселение государства получает возможность жить в не укрепленных поселениях, изолированных от городов, таким образом, рассеиваясь по его территории. Племенные князь городов постепенно становятся боярами, лучшими, нарочитыми мужами и старейшинами градскими, а титулы князь и великий князь являются в христианскую эпоху присущими только лицам Рюрика рода. Заканчивая характеризовать данный этап в развитии государственной власти, Д. Я. Самоквасов констатирует, что «на этой ступени являются все завоевательные государства оседлых народов Древнего мира и Средних веков». Приводя сравнительную характеристику этих народов, исследователь приходит к непопулярной в среде московских (и не только) историков того времени идее о единстве истории. При этом, сравнительно-исторические параллели Д. Я. Самоквасова приводили его к идее абсолютного тождества системы верховной власти на Руси X в. с властью у «скифов» (скифов) V в. до н. э., от которых он производил славян [7. 52-53, 70-71; 14. С. XVIII, XX-XXI, 73, 205, 262, 312-314, 333-341].

Далее, со времени крещения Руси и появления писаного законодательства, «власть в славяно-русских княжениях эпохи политического их объединения под властью князей Рюрика дома» меняется. Место потерявшего религиозный характер языческого закона, рассматривавшегося в новых условиях как продукт человеческого творчества, занимает христианский закон, который придал новое значение государственной власти, дав ей не только фактическое, но и формальное значение. «Христианское духовенство, вышедшее на Русь из Византии... указывает новокрещённому князю на высокое положение и значение царской власти в Греции, учит русского князя обязанностям народного правителя и судьи», побуждает его «употребить свою власть на распространение христианства между подвластными народами, на построение христианских храмов, на просвещение народное, на помощь убогим и страждущим». Таким образом, великий князь киевский становится действительным верховным правителем, законодателем и судьёй для всех своих подданных и по всем делам, кроме переданных церковной власти, отделившейся от государства. Племенные особенности управления и суда исчезают, земство спланивается с княжескою дружиною в один русский народ. Значение старейших городов получают города, в которых сидел князь Рюрика рода, перемещавшийся из волости в волость и заменявший земские исполнительные органы на свои (посадники, наместники, отроки). «Автономия сохраняется только в пределах города-общины, состоящей под непосредственным управлением и судом общинного веча и земского выборного старосты, бывшего градского старейшины». В земских же старейших городах, волостных центрах, бывшие выборные старейшины заменяются княжескими посадниками, кормившимися местным земством. Так «возникли две инстанции местного управления и суда: 1) вечевая, народная, общинная, и 2) княжеская, коронная, правительственная». Появляются новые совещательные и исполнительные органы государственной власти: «по делам

церковным совет христианских иерархов и по делам мирским совет княжеских бояр и городских старейшин». Если до того княжеская дума представляла собой лишь военный совет в среде дружины, то теперь она преобразуется в постоянный княжеский совет, состоящий из княжеских и земских бояр для обсуждения всех дел, требовавших решения князя. Здесь историк даже не упоминает о возможности выхода и сопротивления бояр мнению князя, объясняя лишь их единение разумностью такого положения. При этом, до появления письменного законодательства княжеские уставы, управление и суд всегда были публичны. Отсюда «каждый гражданин имел право быть свидетелем княжеского суда на княжем дворе, княжеских решений и распоряжений; а для служилых бояр, княжих мужей» – «это была служебная обязанность, имевшая своєю целью не только охрану безопасности князей и подачу совета, когда он потребуется, но и свидетельство о состоявшихся правительственных решениях». В XI–XIII вв., по мнению исследователя, после появления письменного делопроизводства «публичное управление и публичный суд уступают место закрытым» [14. С. III, XI, 209-212, 235, 341-350].

«Порядок преемства княжеской власти в эпоху первых Рюриковичей, до смерти Ярослава Владимировича, был обусловлен способом приобретения Русской земли князьями Рюрика рода, по которому Русская земля представляла собою благоприобретённое имение Рюриковичей», – считал Д. Я. Самоквасов. «Закон преемства собственности по русскому праву языческой эпохи известен из 13-й статьи договора князя Олега с Греками 911 года: имение собственник передаёт по своей воле завещанием, а если завещание не оставлено, то оно наследуется ближайшими родственниками». По распоряжению же Ярослава Мудрого Русская земля разделилась на части – родовые уделы, где «власть наследуется в порядке бокового первородства, определяемого близостью потомков к родоначальнику по степени, по линии и по рождению, причём исключаются потомки лиц, не занимавших вакантных столов юридически, законно» (изгойство могло быть полное и неполное – лишение права наследовать по степени). «Этот порядок, – считал историк, – несомненно существовал в сознании Ярослава, его современников и потомков, как священная старая правда, данная Богом, и не подлежавшая произволу людей». Поэтому любые другие способы преемства княжеской власти являлись исключением и нарушением законного порядка, вплоть «до завоевания России монголами», в том числе воля народа здесь «не имела юридического участия». Отсюда Д. Я. Самоквасов выступал и против родовой теории С. М. Соловьева, не предусматривавшей деления Руси на независимые уделы и теории В. И. Сергеевича об отсутствии одного законного порядка наследования власти, а значит множественности его способов [7. С. 119-122; 14. С. 314-320].

Таким образом, с размножением князей Русская земля, просвещённая христианскою религией, делится на родовые уделы и «из племенных княжений образуются удельные государства». При этом, до смерти Владимира Мономаха политическое единство Русской земли еще поддерживалось общими съездами князей, санкционировавшими киевским великим князем и проектировавшими общеобязательные для княжеств законы. Однако затем они прекращаются, и «родовые княжества обособляются в самостоятельные государства», – считал историк. Удельные князья, как органы верховной и центральной государственной власти, самостоятельно «объявляют войну, заключают мир, издают уставные, жалованные и другие грамоты, собирают дань в своих уделах, рядят и судят подвластное им народонаселение». Взаимные отношения между князьями определялись в это время или договорами, «не имевшими юридической прочности, или судом Божиим, посредством войны, так как над князьями другого суда не было». Одновременно, «после Ярослава, за дарованием Новгороду политической свободы волею князя», образуется на Руси, по мнению Д. Я. Самоквасова, вторая форма государства – «народоправство», где «законодательная власть принадлежала вечу, а правительственная и судебная деятельность князя является ограниченной договорными условиями и контролем выборного посадника». «Вече Новгорода является высшим и единым органом государственной власти, призывающим князя по своей воле и определяющим его деятельность, наравне с деятельностью выборного посадника».

Историк был убеждён, что «право свободного избрания князя между потомками Ярослава» в Новгороде и заключение договоров с ними было беспорным на Руси и «воля народа была единственным законным основанием преемства княжеской власти» в народоправствах. Избрание же и изгнание князей народным вечем в родовых удельных княжествах он считал исключительным фактом, «когда на вакантный стол являлось несколько претендентов, обращавшихся к народной помощи и одинаково опиравшихся в своих расправах на родовое право или на силу». При этом, «в конце XII и в начале XIII столетий народонаселение княжеств, принимая одного из князей-соперников, иногда заключало с ним договор», но о содержании этих договоров ничего неизвестно, они не сохранились.

«Нигде не видно, чтобы вече княжеств имело значение органа государственной власти, равного князю». Оно могло действовать «только по поручению князя, с его соизволения, и в сфере общественной, а не государственной» [7. С. 112, 119-123; 13. С. 103-104, 114, 122-126; 14. С. 205-208, 228-230, 240, 320, 382, 390]. Однако в своих общих курсах по истории русского права Д. Я. Самоквасов не разбирает никаких процедур конкретной реализации прав веча, как и в целом работы народного собрания в ту эпоху. Он только указывает на то, что Новгородская земля сохранила древнее вечевое устройство. Но отсылка эта не имеет большого значения, так как устройство веча «племенных государств» им нигде подробно также не рассматривалось. Почему-то лишь в «Дополнениях к курсу лекций» он немного описывает организацию управления в Новгороде, да и то касается только положения владыки, князя, посадника правительственного совета (бояр), тысяцкого и никак не раскрывает работы веча как верховного органа. В частности, о княжеской власти историк пишет следующее: «По договорным грамотам без участия вечевых посадников князья не имели права делать какие бы то ни было правительственные распоряжения», судить, выдавать новые и нарушать прежние грамоты. «Финансовые права князя были также ограничены вечевыми постановлениями и договорами. Вся земля народоправства почиталась достоянием св. Софии и Великого Новгорода, а не князя. По договорам постоянным местом пребывания новгородского князя и его дружины было Городище, предместье Новгорода. ...За свою службу князь получал жалованье от Новгорода, в виде определённых доходов с известных волостей и торговых пошлин. В делах внешних князь является только исполнителем вечевых решений: он предводительствует войском, собранным по решению веча и идущим на войну, решённую вечею; он заключает мир по решению веча и подписывает договор, составленный на вече» [7. С. 114].

Такова по Д. Я. Самоквасову картина эволюции верховной власти на Руси до татаро-монгольского нашествия, разрушившего земские и княжеские города и превратившего князей в подданных монгольского хана, управлявших своими уделами на правах посадников, хотя монгольское владычество не тронуло, считал он, внутреннего государственного устройства уделов и родового порядка наследования княжеской власти. Поэтому период удельных государств, по его мнению, не прерывается с XI по XV век [14. С. 321]. Этому периоду Д. Я. Самоквасов уделял меньше внимания, чем предыдущему, но его большой заслугой можно считать обращение к исследованию генезиса древнерусской верховной власти, что в историко-правовой науке того времени почти не изучалось. При этом, он странным образом бравировал своим учётом новейших археологических открытий, абсолютно игнорируя новые исследования своих коллег и особенно обходя вниманием современные ему работы непосредственно историков.

В итоге, поставив целью со времён первых своих работ, прежде всего разрушить теорию В. И. Сергеевича о двоевластии князя и веча на Руси и прийти к более объективным выводам [4; 8], Д. Я. Самоквасов создал свою теорию, не менее спорную и одностороннюю. Настаивая на юридической определённости верховной власти в Древней Руси как монархической в удельных государствах и демократической в Новгороде, а позже в Пскове и Вятке, историк всё-таки подспудно понимал, что источники не рисуют такой чёткой реальности и многое домысливал сам. Например, идя против фактов участия народной воли в преемстве княжеской власти, он исходил только из своей теории, что этого не могло быть, «так как завоеванный народ не может иметь права распоряжаться властью господствующего над ним завоевателя» [7. С. 122]. Однако любопытны его последующие оговорки: «Со времени Всеволода Ольговича участие воли народа в преемстве спорных княжеских столов становится обычным», князья «вступают в соглашения не только с родственниками своими, но и с народонаселением спорных уделов, дававшим преобладание одному сопернику над другим» [7. С. 123]. «Князья дотатарского времени, получавшие столы при посредстве силы, коренившейся в народном сочувствии, были обязаны жить в городах, призывавших их на княжение, рискуя в противном случае потерять народное расположение, а с ним и старший стол». Только владычество монголов в итоге изменило отношения политических сил в Древней Руси: «получив ярлык в Орде, русский князь возвращался на родину полным господином своего удела» [14. С. 447].

Взгляды Д. Я. Самоквасова при его жизни в основном оспаривались, хотя некоторые положения, в частности, о племенных княжениях восточных славян как государствах, тогда находили поддержку у историков-юристов. Та же картина наблюдается в советской и постсоветской историографии: одни исследователи признавали достижения историка в разработке проблемы городов-государств на Руси, другие – монархизма князей, третьи – в археологической и архивной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911). Курск, 2007.
2. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и археологическое изучение «славяно-русских древностей»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010.
3. *Мамонов В. А.* История русского государства и права в научном наследии Д. Я. Самоквасова: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2012.
4. *Самоквасов Д. Я.* Главнейшие моменты в государственном развитии древней Руси и происхождение Московского государства. Варшава, 1886.
5. *Самоквасов Д. Я.* Древнее русское право: лекции 1902/3 академического года. М., 1903.
6. *Самоквасов Д. Я.* Древние города России: историко-юридическое исследование. СПб., 1873.
7. *Самоквасов Д. Я.* Дополнения к курсу лекций по истории русского права. М., 1908.
8. *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб., 1870.
9. *Самоквасов Д. Я.* Исследования по истории русского права. М., 1896. Вып. 1: Предисловие. Введение. Критический обзор теорий догосударственного быта русских славян.
10. *Самоквасов Д. Я.* Исследования по истории русского права. М., 1896. Вып. 2: Средства познания системы русского права языческой эпохи.
11. *Самоквасов Д. Я.* История русского права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1899.
12. *Самоквасов Д. Я.* История русского права: лекции 1906/7 уч. г. М., 1906.
13. *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Общие законы Русской земли эпохи первых Рюриковичей. Законодательство удельных государств (Студенческий конспект). М., 1901.
14. *Самоквасов Д. Я.* Курс истории русского права. 3-е изд., испр. и доп. М., 1908. [Ч. 1]; М., 1909. Ч. 2. Единая пагинация.
15. *Самоквасов Д. Я.* Лекции по истории русского права: студенческий конспект. М., 1896. Вып. 2: Происхождение и содержание общих законов Русской земли эпохи удельных государств.
16. *Шохин Л. И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.
17. *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов – историк, археолог, архивист // *Вопр. истории.* 1993. № 3.
18. *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов – историк русского государства и права // *Государство и право.* 1993. № 2.
19. *Щавелев С. П.* Историк Русской земли: жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998.

Поступила в редакцию 21.08.14

E.N. Derbin

THE SUPREME POWER OF ANCIENT RUSSIA IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS OF LAW OF MOSCOW UNIVERSITY IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

The problem of the Supreme Power of Ancient Russia in the works of Russian historians of law of Moscow University in the late XIX - early XX centuries is analyzed. The author investigates such institutions: Supreme power as a princely authority, Veche with the Prince's Duma and a fairly wide range of related historiographical issues – origin and evolution of the data subjects of the authorities; their nature and character, composition, sources, resources, functions and scope of authority; the acquisition, continuity and ways of its implementation; relations between princes and others. It is shown the influence of investigated problem in the faculty and scientific and educational processes at the Moscow University in pre-revolutionary period. There is a lack of continuity in approaches and views of historians and lawyers in the University, studying history of State and Law in pre-Mongol Russia. The conclusion marks the contribution of each of them to the examined problem.

Keywords: sovereignty of Ancient Russia, the princely power, Veche, Prince Duma, Russian historians of law of Moscow University, P. N. Mrochek-Drozдовsky, D. Y. Samokvasov.

Дербин Евгений Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Ижевская государственная
сельскохозяйственная академия»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11/1
E-mail: derbin80@mail.ru

Derbin E.N.,
Candidate of History, Associate Professor
Izhevsk State Agricultural Academy
426069, Russia, Izhevsk, Studencheskaya st., 11/1
E-mail: derbin80@mail.ru